

Муравьев Андрей Николаевич

Русская Фиваида на Севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Николаевич М.**
Русская Фиваида на Севере / Муравьев Андрей Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 511 с.

ISBN 978-5-519-98145-3

ISBN 978-5-519-98145-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нѣсколько пустынныхъ цвѣтовъ, собранныхъ мною не на дальнемъ Востокѣ, но вблизи насъ на Сѣверѣ, въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, какъ бы въ родной нашей Ойваидѣ и Палестинѣ, дерзаю я, быть можетъ неискусной рукою, разсыпать предъ стопами Вашего Императорскаго Высочества. Не слишкомъ ли смѣло мое желаніе, чтобы эти скромныя фіалки, процвѣтшія и забытыя въ своихъ пустынныхъ дебряхъ, нашли себѣ смиренный пріютъ въ Велико-Княжескихъ палатахъ? — Но вотъ и другое теплое желаніе, внушаемое сердцу, чувствомъ глубокой благодар-

ности, за то Высокое и милостивое вниманіе, котораго неоднократно удостоивался, хотя и безъ сознанія своей заслуги: лики Святыхъ, коихъ пустынные подвиги, терзнія и любви, соплетены здѣсь какъ бы въ одинъ благоухающій вѣнокъ, молитвою своею и благимъ примѣромъ, да укрѣпятъ Васъ къ безропотному шествію по терніямъ жизни, доколѣ не изсякнетъ всякое горе временной разлуки, въ одной неразлучной радости на лонѣ Христа!

ВСТУПЛЕНИЕ.

Тихо, отрадно мирное Остапкино, въ объемъ его прохладныхъ рощей, которыя отовсюду вьютъ роскошнымъ опахаломъ своихъ листвъ и сосенъ, освѣжая для него знойные часы полудня. Еще очаровательнѣе оно, при яркихъ краскахъ утренней зари, когда голубымъ зеркаломъ разстилается обширный прудъ, въ темной окрестности прибрежной дубравы, предъ величественнымъ храмомъ и палатами, или когда, въ поздній часъ вечера, багровое солнце, спускаясь за лѣсъ, послѣдними лучами румянитъ куполъ Графскаго дома и семь крестовыхъ главъ высокой церкви временъ Патріаршихъ. Въ виду первопрестольной столицы и Троицкой до-

роги, не далеко отъ любимаго гульбища Московскаго, Марьиной роши и Сокольниковъ, особенно свѣжестію дышетъ это пріятное мѣсто, зеленый изумрудъ въ видѣ окрестныхъ селъ Бѣлокаменной, мирный уголокъ, гдѣ можно отдохнуть на прохладѣ отъ ея заботливаго шума.

Понятно сердцу, почему вельможи Русскіе, Черкасскіе и Шереметевы, искали себѣ тутъ тихаго пристанища, близъ города и на перепутіи въ лавру. Не безъ громкихъ однако воспоминаній мѣсто сіе, по видимому созданное только для беззаботнаго отдыха. Здѣсь по сосѣдству, въ селѣ Алексѣевскомъ, жилали Цари; еще недавно знаменитый исторіографъ нашъ засталъ тамъ скромный дворецъ Алексія Михайловича, близъ храма, имъ сооруженнаго, въ честь Ангела своего, человека Божія, и въ память явленія Тихвинской иконы Богоматери. Еще красуется доселѣ величественный храмъ сей, съ своею высокою папертью, достойный имѣть ктитормъ Царя; но уже смиренное жилище основателя замѣнено усадьбою священнослужителей, и для нихъ зрѣютъ яблони, бывшихъ садовъ, которые, быть можетъ, насадилъ державною рукою самъ кроткій Алексій, «тишайшій» въ полномъ смыслѣ сего Царскаго титула. Здѣсь любилъ онъ тѣшиться иногда соколиною охотою въ дремучихъ лѣсахъ, опоясанныхъ съ этой стороны его столицу, и звонкіе рога ловчихъ оглашали всю окрестность. Отсель, сложивъ величіе Царское, не разъ странствовалъ

онъ смиреннымъ богомольцемъ, со всемъ своимъ семействомъ, въ лавру Сергіеву, проситъ ходатайства преподобнаго въ тяжкіи годыны своей державы, или благодарить его за радости семейныя и отечественныя.

Церковь села Остапкина, во имя Свѣтлыя Троицы, сооружена, за полтора ста лѣтъ, бывшими владѣльцами Князьями Черкасскими, коимъ наследовалъ сынъ фельдмаршала, второй Графъ Шереметевъ. Двухъярусная, съ крытыми восходами и двумя придѣлами въ паперти, ее опоясавшей, она возвышается во всемъ великолѣпнѣ тогдашняго зодчества, полу-Византійскаго, полу-Готическаго, которое можетъ собственно называться Русскимъ, и носитъ отпечатокъ первыхъ временъ Царствующаго Дома Романовыхъ; храмъ сей былъ освященъ едва ли не самымъ Адрианомъ, послѣднимъ Патріархомъ. Цари жаловали бояръ своихъ, и не рѣдко посѣщали ихъ здѣсь, какъ ближайшихъ соседей села Алексѣевского. Въ обширномъ саду Остапкина есть кедровая роща и, на ея краю, одинокій маститый кедръ, старецъ доживающій уже второе столѣтіе: подъ тѣнью его любилъ, по мѣстному преданію, отдыхать великій Петръ. Такой же кедръ показываютъ въ селѣ Коломенскомъ, близъ уничтоженнаго дворца Царя Алексія Михайловича. Наши Державные любилъ сихъ величавыхъ пришельцевъ Ливана, напоминавшихъ имъ библейскія сказанія и приточную славу Соломона, котораго мудрости сами искали подражать, во дни земнаго своего цар-

ства, чая небеснаго. — Домъ Остапкина, хотя и деревянный, свидѣтельствуеъ о прежнемъ великолѣпнѣ бояръ нашихъ, которыхъ еще одинъ свѣтлый образецъ тихо доживаетъ старческіе годы, посреди общей любви и уваженія, въ подмосковномъ селѣ своемъ Влахернскомъ, гдѣ также посѣщаютъ его Державные. Всѣ сіи роскошныя палаты созданы были не для житія, а только для празднествъ, покойнымъ Графомъ Шереметевымъ, отцемъ нынѣшняго владѣльца, на мѣстѣ стараго дома Князей Черкасскихъ, и обращены имъ въ музей мраморомъ и картинъ. Тутъ принималъ онъ Царственныхъ Гостей, посреди всей роскоши тогдашняго боярскаго быта, и давалъ великолѣпные праздники, по случаю двухъ коронацій Императоровъ Павла и Александра. Рассказываютъ, что Благословенный замѣтилъ радушному хозяину одинъ только недостатокъ его роскошныхъ палатъ: то, что изъ нихъ не видно Москвы; — на слѣдующій праздникъ, пригласивъ Августѣйшаго Гостя на балконъ, Графъ показалъ ему, сквозь новую широкую просѣку Марьиной рощи, бѣлый златоглавый столпъ Ивана великаго. Такъ усердно старались вельможи наши угождать, даже и въ малыхъ предметахъ, Вышаннымъ Посѣтителемъ, которые удостоивали ихъ своимъ присутствіемъ.

Скромный, небольшой домикъ, бывшаго владѣльца сей великолѣпной дачи и ста сорока тысячъ душъ крестьянъ, пристроенъ былъ къ главному зданію, со стороны церкви, и уже теперь не существуетъ. Онъ

былъ разобранъ по вежкости, потому что съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтїа, Останкино перестало быть обитаемо своими Графами и, въ цѣломъ домѣ, нѣтъ для самихъ хозяевъ ни одной жилой комнаты: тамъ одни лишь залы и галереи, оживленныя только ваянїями древнихъ и новѣйшихъ художниковъ. Есть тутъ и подземныя сокровища Геркуланума; одна изъ статуй, богини здравїя, обрѣтенная въ Афинахъ, украшала некогда подгородную Римскую виллу Кесаря Адриана, прежде нежели перешла въ подмосковную Русскаго цельможи, и была бы достойна Ватикана. Последний праздникъ Останкина, въ честь его Царственныхъ посѣтителей, данъ былъ родственниками Графа, въ 1830 году, Великому Князю Михаилу Павловичу; еще однажды оживился тогда, на краткій вечеръ, опустѣвшїя палаты давно забытымъ веселїемъ ихъ минувшихъ дней.

Цвѣтушій садъ съ обширнымъ паркомъ, доселе служатъ, въ праздничные дни, однимъ изъ гульбищъ для Московскаго общества, какъ будто отсутствующій хозяинъ заочно созываетъ къ себѣ невдомыхъ гостей, подъ развѣсистую тѣнь вѣковыхъ кедровъ и липовыхъ благовоющихъ аллей. Но если бываютъ по временамъ оживлены вечера Останкина, на утро подворяется опять та же глубокая тишина въ его безмолвныхъ дубравахъ; онъ оглашается только пѣніемъ раннихъ птицъ и невольно манитъ на прогулку въ свое прохладное приволье. Отъ времени до времени, въ урочные часы, слы-

пешъ шумъ и пронзительный свистъ быстрого паровоза, несущагося мимо Останкина; далеко за нимъ клубится, поверхъ рощи, облако дыма и потомъ все опять затихаетъ. Желательно было бы, чтобы, на краю парка, опять наполнились водою многочисленные пруды, которые опоясывали всю обширную усадьбу и составляли одно изъ лучшихъ ея украшеній, тѣмъ болѣе что садъ и домъ не измѣнили прежней своей славы.

Но вотъ одно сладкое впечатлѣніе Останкина, которымъ особенно утѣшается сердце, накопунъ торжествъ церковныхъ первопрестольной столицы: это всеобщій звонъ колоколовъ, когда все они, сливаясь въ одинъ серебристый гулъ, гармонически вторятъ густому, отеческому гласу Ивана великаго, возбуждающаго ихъ съ высоты Кремля; — сквозь просѣку рощи широко несется, по тихому вечернему воздуху, многоглагольный звонъ сей въ мирное Останкино, невольно извлекая слезы и потрясая душу, воспоминаніями великихъ событій Церкви и отечества!

Здѣсь, въ тихомъ уединеніи, гдѣ неожиданно нашелъ я себѣ лѣтній пріютъ, подѣ гостепріимнымъ кровомъ радушнаго владѣльца, здѣсь предпринимаю описаніе родной нашей Оиванды, которую только что посѣтилъ въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ. Едва ли кому она извѣстна изъ людей свѣтскихъ, а многіе однако же слышали о Оивандѣ Египетской и читали, въ патерикахъ Греческихъ, о подвигахъ великихъ отцевъ, просіявшихъ къ суровыхъ пустынямъ Скитской и Палестинской. Но кто знаетъ этотъ нашъ, чудный міръ иноческій, ни мало не уступающій Восточному, который внезапно у насъ самихъ развился, въ исходѣ XIV столѣтія и, въ продолженіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ, одушевлялъ непроходимыя дебри и лѣсистыя болота роднаго Сѣвера? На пространствѣ болѣе 500 верстъ, отъ лавры до Бѣлоозера и дажѣ, это была какъ бы одна сплошная область иноческая, укрѣпленная скитами и пустынями отшельниковъ, гдѣ уже мірскіе люди какъ бы вынуждены были, вслѣдъ за ними, селиться и составлять свои обительные грады тамъ, гдѣ прежде обитали одни лишь кельи. Преподобный Сергій стоитъ во главѣ всехъ, на южномъ краю сей чудной области и посылаетъ внутрь ея своихъ учениковъ и собесѣдниковъ, а преподобный Кириллъ, на другомъ ея краю, пріемлетъ новыхъ

пришельцевъ и расселяетъ обители окрестъ себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Бѣлаго моря и на острова Соловецкіе. Оба они, какъ два свѣтила, поставлены на тверди инопоческой, чтобы свѣтить міру духовному, но бѣльшее свѣтило Сергіи.

Прежде нежели приступить къ описанію тѣхъ обителей, которыя успѣлъ я посѣтить на дорогѣ, изъ лавры въ Кирилловъ, и коснуться житія ихъ основателей, любопытно, можетъ быть, окинуть однимъ бѣглымъ взоромъ всю сію сѣверную Ойванду. Слѣдуетъ начертать себѣ въ мысляхъ, какъ бы на планѣ, таинственный путь святыхъ подвижниковъ нашихъ, все глубже внутрь дикаго Сѣвера, чтобы такимъ образомъ имѣть передъ собою родословное дерево ихъ обителей, которыя постепенно возникали отъ благословеннаго корня Сергіева. — Уроженецъ Ростова, преподобный оставилъ свою родину, чтобы поселиться въ лѣсахъ Радонежскихъ, ближе къ Москвѣ, и вотъ большая часть пустынныхъ чадъ его, съ избыткомъ возвращающасть святительской кафедрѣ Ростова духовную утрату столь великаго старца. Прежде всего являюся тамъ его собесѣдники, и какъ сладостно звучитъ сердцу умиленное сіе наименованіе! — Это собственно не ученики Сергіевы, но сверстники его по времени и духовной жизни, хотя и не равные ему подвигами: всѣ, болѣе или менѣе, отъ него заимствовали инопоческое свое образованіе, потому что не въ міру измѣлась благодать Божія на сего